

Глава 1

Мужчина сидел в столовой и смотрел по телевизору футбол. Женщина сидела на кухне и тоже смотрела на экран телевизора — маленького, старого, изрядно засаленного от долгого соседства с плитой. Но что именно она видела на экране — женщина определить не могла. Взгляд у нее был пустой, ничего не выражающий. Губы плотно сжаты, помада почти вся съедена за день. Она не сняла макияжа, придя с работы, хотя обычно очень заботилась о своем лице. Только этот день не был обычным. Только не этот...

На плите зашипел перекипающий через край турки кофе. Женщина вскочила, сняла турку, поставила ее на подоконник. Отметила, что руки у нее дрожат. Неожиданно кольнуло сердце... Этого еще не хватало!

Она налила кофе в кружку, размешала сахар и пошла к мужу. Тот, не глядя, протянул руку:

— Ты гляди, что делается... Забил в свои ворота... Я чувствую, они сегодня продуют...

Женщина поставила кружку на столик — резко, со стуком. Муж повернул в ее сторону голову:

— Садись, посмотри! Если «Манчестер» сегодня продует, в финал выйдут одни испанцы, ты это представляешь?!

— Я представляю, — глухо ответила она. — Ты считаешь, что все нормально?

Он снова уставился на экран и бросил:

— Какое нормально, ты о чем... Ты вообще, за кого болеешь?

— За дочь!

И тут она совершила поступок, на который никогда прежде не решилась бы. Схватила пульт и выключила телевизор. С тихим шелестом погас экран. Муж секунду оцепенело смотрел на него, потом взорвался:

— Немедленно включи, какого...

— Ты считаешь, что все нормально?! — Руки у нее все еще дрожали, она сунула пульт в карман халата и обхватила себя за локти, пытаясь успокоиться. — Ира второй день где-то пропадает, а ты спокойно смотришь футбол!

Он сделал попытку отобрать у нее пульт. Женщина отскочила в сторону. Муж с трудом выбрался из кресла, где он с удобством расположился провести остаток вечера:

— Что за фокусы, включи! Что я, по-твоему, должен делать?! Ей почти восемнадцать, она собирается замуж, и в конце концов, это смешно — так ее пасти! Отдай пульт!

Она покачала головой.

— Если я не посмотрю футбол — что изменится? — Теперь он говорил почти виновато. — Думаешь, она из-за этого вернется? Позвонит?

— Нет, — вымолвила она после долгой паузы. — Но ты ведешь себя так, будто тебе все равно...

— Да мне не все равно! — раздраженно заметил он. — Но имею я право расслабиться после работы? Или уже и этого нельзя?!

Он был прав, и это раздражало ее больше всего. Женщина достала из кармана пульт и бросила его на кресло.

Повернулась и ушла в комнату дочери, плотно прикрыв за собой дверь. До нее тут же донесся торопливый голос комментатора — муж опять включил телевизор. Она расслышала его громкий стон. Вероятно, «Манчестеру» снова не повезло... Ей тоже хотелось стонать. Только совсем по другой причине.

Подруги на работе, которым она жаловалась на дочь, ее утешали. Говорили, что дети вырастают незаметно, надо смириться с тем, что они хотят стать независимыми. Что ей еще повезло, ее Ирина не гуляет с кем попало, направо-налево, сразу собралась замуж... Ну а если брак будет неудачным — что ж, существует развод... И прочее в том же роде. Хотя те же самые подруги в свою очередь жаловались ей на своих подросших отпрысков — как и она. В такие моменты они начисто забывали о своей примиренческой позиции и обвиняли детей в неблагодарности, а все поколение в целом — в невероятной испорченности. И тогда уже ей приходилось их уговаривать и утешать...

Комнатка Иры была совсем маленькой — самой маленькой в их трехкомнатной квартире. Всего восемь квадратных метров — негде повернуться. Маленькая комнатка для маленького ребенка. Почти яичная скорлупа, в которой, скорчившись, сидит цыпленок. Ее цыпленок. Который сейчас неизвестно где, с кем...

Она оглядела стены и впервые поняла, что Ирина, возможно, правда стала взрослее. Раньше на этих стенах были наклеены постеры с изображением каких-то неприглядных рок-групп, над постелью висели маленькие мягкие игрушки — дочь их коллекционировала несколько лет и собрала почти пятьдесят штук. Когда наступала пора чистить их пылесосом, это было сущее мучение... Игрушки втягивало в трубу, и нужно было вовремя их

оттуда извлекать. Занавески на окне были в крупный веселый цветочек. От всех этих аксессуаров — пыльных, ярких, бесполезных — комнатка казалась еще меньше. Постель Иры, ее письменный стол и шкаф для одежды — вот и вся мебель, но казалось, что в комнате некуда поставить ногу...

Теперь, буквально за последние месяцы, все изменилось. Игрушки со стен исчезли — они лежали в картонной коробке на антресолях. Ира сама сняла их и запихала наверх, объяснив это тем, что игрушки ей просто надоели. Постеры исчезли еще раньше. Дочь сдирала их один за другим, по мере того как ее кумиры переставали быть таковыми... Дольше всех держался самый большой, занимавший почти всю стену над ее постелью — некий блондин в красном костюме, в красных перчатках, с микрофоном, поднесенным к губам, блестящим от помады... Но и его не стало месяц назад. Женщина почему-то подумала, что имени этого певца так и не спросила, такие вещи ее никогда не интересовали. А теперь спросить не у кого. Чем увлекалась ее дочь еще месяц назад? Кем? Она не знает.

Ей почему-то стало страшно, когда она оглядывала опустевшие стены, где на обоях остались следы от клея, — как будто отсюда исчезла не только Ирина, но и все ее кумиры — целая толпа народу. Те исчезли навсегда, а вот дочь... Она вернется, должна вернуться! Хотя бы позвонить!

Женщина подошла к письменному столу и выдвинула все ящики. Обычный хаос — обертки от жвачки, резинки для волос — вокруг некоторых запутались рыжеватые волоски... Старые школьные тетради, явно уже ненужные, ведь Ира теперь училась в институте... Биология, астрономия,

СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ

литература. Женщина взяла в руки голубую потрепанную тетрадку, открыла ее, машинально перелистала. Обратила внимание на число — почти год назад... Одно из последних школьных сочинений. Учительница литературы была совсем молоденькой и любила задавать домашние сочинения на тему о любви, будущем, смысле жизни... Видимо, ей доставляло удовольствие читать размышления старшекласников на такие личные темы. Это сочинение называлось: «Человек, на которого я хочу быть похожим».

Женщина прочла первые строчки и поджала губы. Ну, конечно. «Я ни на кого не хочу быть похожей, только на себя. Зачем на кого-то равняться?» Очень похоже на Иру, нечего сказать. Женщина поймала себя на мысли, что ей бы хотелось прочесть нечто вроде: «Я хотела бы быть похожей на свою маму, потому что...» Однако следующие строчки остановили ее внимание. Одиннадцатиклассница Ира Новикова написала: «Часто бывает, что человек тебе очень нравится, и даже хочется быть похожим на него. Но если узнать его поближе, то все желание сразу пропадает... Люди все одинаковые. Или им что-то нужно от тебя, или им вообще до тебя дела нет. Одно из двух, по-другому не бывает. Хотеть быть на кого-то похожей — это себя не уважать...» И дальше в том же духе. Сочинение занимало полстраницы, не больше. В конце красной ручкой был приписан комментарий учительницы: «Слишком мрачно, Ира. Все совсем не так...» И стояла оценка — четыре. Весьма гуманно, если учесть количество неправильно поставленных запятых.

Женщина закрыла тетрадку и положила ее в ящик. В самом деле, мрачно. Но... Разве она сама не сказала бы то же самое? «Мне почти сорок, а ей и восемнадцати

нет, — возразила она себе. — Она не может так думать в ее возрасте. Это не ее слова, чьи-то еще».

Она вернулась на кухню, придвинула к себе телефон, открыла семейную записную книжку. В эту книжку Иру обязывали записывать все телефоны ее подруг, институтских знакомых — словом, предоставлять полную информацию. Честно она выполняла эту обязанность или нет, но странички, где наверху стояло ее имя, время от времени пополнялись. Женщина прочла номера и просталенные напротив имена и фамилии. Из комнаты опять донесся стон мужа.

— О господи, — произнесла она и принялась нажимать кнопки набора.

Леонид числился Ириным женихом. Во всяком случае, таковым его считала сама дочка. От Леонида никаких брачных предложений никто из родителей не слышал, подобных разговоров в его присутствии никто, понятно, не заводил. Это было бы по меньшей мере странно — ведь «жених» появился у них в гостях всего четыре раза. Но каждый раз после его визита Ира заводила разговор о том, что с ним «ей будет хорошо». Однажды мать не выдержала и спросила ее, с какой стати она так заторопилась замуж. Ира оскорбилась. Ей почудился в этом вопросе намек бог знает на что — на беременность, например, или на то, что ей хочется сбежать от родителей...

Леонид откликнулся и, узнав, что звонит мать Иры, слегка растерялся. Она впервые ему звонила.

— Я хотела узнать, Ира не у вас? — официально спросила женщина. Она так и не перешла с этим парнем на «ты» — он к этому как-то не располагал. Леонид вообще ей не нравился — какой-то скованный, держится так,

будто ему скучно и не о чем говорить... Так, во всяком случае, казалось.

Леонид и сейчас не проявил чудес разговорчивости. Он ответил, что Иры у него нет, и на какое-то время растерянно замолчал. А потом все же поинтересовался, что случилось.

— Ее второй день нет дома, — как можно спокойней ответила женщина. — Я думала, она у вас.

— Нет-нет, — как будто даже испуганно ответил парень. — А она вам не звонила?

— Если бы звонила, то сами понимаете... — Женщина замолчала.

Нужно было попрощаться и повесить трубку, предстояло обзвонить Ириных подружек... Тех, кому она еще не звонила, конечно. Вчера вечером она уже предпринимала попытку найти дочь — ближе к полуночи, когда забеспокоилась, где это Ира так надолго задержалась. От звонка Леониду ее отговорил муж. Тот считал, что раз уж те собираются пожениться, то имеют право где-то гулять допоздна. Глупая мужская солидарность. В результате Иру прождали до четырех утра. Потом — опять же с подачи Алексея — легли спать. Ведь нужно было рано подниматься на работу...

Неожиданно Леонид предложил:

— Может быть, я приеду?

Она слегка опешила и тут же отказалась, сославшись на то, что вряд ли это что-то изменит, раз он не знает, где Ира. И, не удержавшись от иронии, добавила:

— И потом, вы же наверняка сейчас смотрите футбол. Верно?

Он в замешательстве признался, что это так. Женщина попрощалась и положила трубку.

В перерыве между таймами муж принес ей пустую кружку из-под кофе и с убитым видом сообщил, что дела у «Манчестера» совсем плохи — два — ноль, чего никто не ожидал. Она отмахнулась:

— У нас тоже два — ноль! Ее нет два дня, а информации о ней — ноль! Я звонила этому Ленечке, он понятия ни о чем не имеет. Предложил приехать.

— Ну и приедет? — Поинтересовался муж, заглядывая в холодильник.

— Еще чего! — Огрызнулась она. — Что мне тут с ним делать? Усадить его рядом с тобой смотреть футбол?

Алексей покачал головой:

— Тань, ты преувеличиваешь. Ну, заночевала у какой-нибудь подружки.

— Одну ночь заночевала, а вторую?

— Вторая еще не пришла, — заметил он.

Матч закончился со счетом три — один. Убитые горем английские болельщики провожали любимую команду грустным похоронным напевом. Телевизор наконец выключили. И сразу стало так тихо, что Татьяна об этом пожалела. Лучше любые звуки, любая музыка, которая будет доноситься из комнаты Иры, любой футбол по телевизору... Раньше ее раздражало, когда по вечерам муж и дочь прилипали к своим игрушкам — телевизору и магнитофону. Как будто неродные — даже поговорить не о чем. Она тоже обычно смотрела телевизор, сидя на кухне, — им с мужем нравились разные программы и фильмы. Иногда вязала, но так лениво, что за месяц успевала связать в лучшем случае шарфик. Шарфики эти дочь не носила, бегала всю зиму с открытым горлом. Когда появился Леонид, у нее мелькнула какая-то смутная мысль о возможных внуках. Вот кого она будет

СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ

с удовольствием обвязывать, а малыши... Разве они откажутся от обновки?

— А теперь вряд ли, — вслух произнесла Татьяна. И сама испугалась своих слов.

Муж забеспокоился:

— Ты о чем?

— Ни о чем. — Она на миг спрятала лицо в сложенных ладонях. Ей было страшно, и этот страх еще больше подчеркивала установившаяся в квартире звенящая ночная тишина. — Мне кажется, она и сегодня не придет... Телефон работает?

Алексей молча сходил на кухню и проверил. Аппарат работал исправно. Но и этой ночью никто им не позвонил.

* * *

Татьяна не спала до рассвета. Иногда ей удавалось задремать, но спасительное оцепенение тут же рассеивалось — его спугивала любая тревожная мысль. Женщина специально не представляла себе, где сейчас может находиться ее дочь, что она делает. Это было слишком страшно. Она упорно обдумывала только один вопрос — почему Ира, где бы она ни была, не нашла возможности позвонить? А может, не хотела звонить?

Татьяна припоминала все подробности их последнего разговора. Это было всего лишь вчера утром... Нет, уже позавчера. Восемь утра — Ира сидела на кухне и торопливо завтракала, постоянно поглядывая то на часы, то на работающий телевизор, где шла какая-то передача по MTV. Она опаздывала в институт и вслух прикидывала, на сколько именно... Если на пять минут, то не страшно, объясняла она матери, одновременно пережевывая бутерброд с сыром. Но больше пятнадцати — это уже катастрофа, потому что «препод» попался психованный — берет

стул, запирает аудиторию изнутри, чтобы никто не мог войти. И обязательно сам отмечает всех отсутствующих. Старшекурсники рассказывали, что на экзамене все эти прогулы учитываются, и тогда как ни отвечай...

Первая сессия была у Иры позади. Сдала она ее далеко не блестяще — две тройки, две четверки. Впрочем, в школьном аттестате пятерок тоже было не густо. Не то чтобы она ленилась учиться, но относилась к учебе как-то странно — одновременно серьезно и легкомысленно. Например, прогуливала редко, но что-то записать за преподавателем, вовремя прочесть книгу — на это ее не хватало. Мать решила наскоро провести воспитательную беседу и напонила ей, сколько стоит обучение, — Ира поступила на платное отделение одного из гуманитарных вузов, недавно открывшего факультет психологии. Мечту стать психологом Ира высказала, учась в последнем классе, и целый год Татьяна с помощью справочников, слухов и личных изысканий выбирала место, где могла бы учиться дочка. Где-то ее смущала стоимость обучения, где-то — шаткая репутация выдаваемого диплома... Где-то — слишком высокий уровень требований при поступлении. А она предполагала, что дочь вряд ли сдаст экзамены на «отлично». Наконец был найден разумный компромисс. И вот — эти ежеутренние опоздания...

— Если бы тебе пришлось платить за обучение самой, ты бы вставала пораньше, — заметила Татьяна, следя за тем, как дочь допивает кофе.

— Да где бы я взяла такие деньги? — с набитым ртом ответила та.

— Вот именно! Где мы их берем — тебе, по-моему, все равно.

СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ

Ирина задумчиво на нее взглянула, отодвинула опустевшую кружку и встала. Мать продолжала выговаривать ей — по инерции, прекрасно при этом сознавая, что задерживает и без того опаздывающую дочь:

— Конечно, отец получает достаточно, но ты обрати внимание, как он пашет! На работу встает чуть не в шесть утра, вечером возвращается бог знает когда! Выходных у него — дай-то бог, два дня в месяц! Он же измотан совершенно, думаешь, ему бы не хотелось выспаться?! А ради кого он не спит? Ради тебя, между прочим! Чтобы ты могла учиться, чтобы у тебя...

Ирина неожиданно ее перебила — обычно она выслушивала подобные нотации, не моргнув глазом, как будто погрузившись в оцепенение:

— Ладно, мам, сто раз слышала.

— Что?!

Татьяна знала за собой этот грех — неумение остановиться в нужную минуту. Но и на этот раз не сумела справиться — ее понесло. Ирине припомнили все подарки, сделанные в последнее время. А также летнюю поездку в Болгарию — как раз после вступительных экзаменов. А также каракулевую шубку, купленную этой зимой. А также обещанное после весенней сессии (разумеется, успешно сданной) золотое колечко с бриллиантом (разумеется, разумных размеров). Ирина слушала, то и дело страдальчески морщилась и наконец резко махнула рукой:

— Мам, если бы я знала, что ты мне глаза будешь колоть, я бы ничего этого не взяла!

Татьяна отвернулась к окну и сделала глубокий вдох. Успокоиться, прийти в себя... Она взглянула на часы... Ну все, дочка точно опоздала, причем серьезно... Преподаватель не пустит ее на лекцию, так стоит ли ехать

к первой паре? Она обернулась, чтобы сказать это Ире, но той уж не было в кухне. Хлопнула входная дверь, и через несколько минут Татьяна увидела в окно, как дочь бегом пересекает двор. И конечно, оделась она опять не по погоде — тонкая куртка без подкладки, легкие туфли... На плече у нее болталась сумка, по виду — тяжелая. В сумке у нее вечно был беспорядок. Ира имела обыкновение таскать с собой совершенно ненужные вещи: давно прочитанные книги, полупустые бутылочки с пепси, зонтик — в солнечную погоду...

Дочь пересекла двор и скрылась в подворотне. Обычная утренняя размолвка, обычное начало долгого дня, где не слишком много радостей, но и горя немного... Все было обычно. Все, кроме того что Ира вдруг огрызнулась. Раньше она выслушивала нотации куда терпеливей. Ведь по существу мать была права, и ответить девочке было нечего...

Татьяна резко повернулась в постели и села. Муж что-то простонал и тут же затих, плотнее вжавшись в подушку. Может, ему приснился третий сокрушительный гол, уничтоживший все шансы «Манчестера» на победу. Она встала, не зажигая света, прошла на кухню. На холодильнике валялась пачка сигарет — семейная пачка. Курили в доме все, но понемногу, от случая к случаю. Ирина тоже — мать как-то застала ее на кухне с сигаретой, та пускала дым в приоткрытое окно. Что было проку ее ругать — все равно будет продолжать... С тех пор как и дочка начала курить, пачка разлеталась за неделю. А раньше ее хватало на полмесяца.

Татьяна вытащила сигарету, взяла с плиты спички. Щелкнула выключателем телевизора, на экране засветилась цветная рамка. Переключила на другой ка-

нал — там уже шла какая-то утренняя передача. Что ж, шесть часов. Телефон работал. Молчание дочери ничем нельзя было объяснить. Она или не могла позвонить, или не хотела.

«Неужели из-за того, что я ей наговорила? — подумала женщина, чувствуя, как в груди снова поднимается холодный тошный страх. — Но это же чепуха, она слышала все это раз сто... И она же понимает, что я говорю не со зла, просто устаю на работе, переживаю за отца... Он-то выкладывается, бедняга, иногда кажется совсем старым, а ему всего сорок один... И сколько мы с ним уже не занимались любовью — я даже не помню... А как к нему подступишься, если у него даже глаза после ужина не открываются?! Телевизор — и подушка. И все радости. И она все это тоже понимает, даже без слов... Жалеем его. Она ведь добрая девочка, в сущности...»

Она раздавила сигарету в чугунной пепельнице, сделанной в виде черепашки. Синева за окном становилась все более прозрачной, приобретала молочный оттенок. Вот-вот должно было рассвети. Время до семи утра тянулось невыносимо — она смотрела телевизор, слегка прибавив звук, включила светильник над столом и внимательно просматривала записную книжку. В семь (рано, слишком рано, но сколько можно тянуть!) придвинула к себе телефон.

Новым подружкам дочери — из института — она позвонила еще в тот вечер, когда поняла, что Ира где-то задержалась. Те, с кем удалось поговорить, отвечали, что Ира была на занятиях. Больше никто ничего сказать не мог. У Татьяны создалось впечатление, что эти девушки слабо знали ее дочь. Зачем же та обменялась с ними телефонами, если не дружила? Впрочем, телефоны могли

понадобиться и для других, более практических целей — обмен конспектами, билетами...

Теперь Татьяна решила позвонить ее прежним, школьным приятельницам. Кто знает, вдруг Ира всерьез обиделась на нее и решила на время поселиться у кого-то из подружек — так сказать, примерно наказать маму?

Первый звонок — и весьма удачный. Трубку взяла сама Женя. Она сидела с Ириной за одной партой, в день выпускного бала заходила за ней домой, словом, девочки дружили.

— Тетя Таня? — удивилась Женя. — Что случилось?

— Извини, но Ира пропала, я просто не знаю, что делать, — неожиданно без предисловий выпалила женщина.

И случилось невероятное — она заплакала. Когда она плакала в последний раз — Татьяна даже вспомнить не могла. Иногда она хвасталась подругам, что стала «железной», но на самом деле это не очень ее радовало. Иногда бывало так сладко поплакать... И вот она плакала, размашисто вытирала ладонью слезы и слабым, неузнаваемым голосом рассказывала семнадцатилетней девчонке, как она изнервничалась за эти два дня, как издергалась...

— Уже двое суток ее нет!

Женя наконец решила ее перебить:

— Я ничего не знаю, тетя Таня... А... Она же учится где-то? Вы там были?

— Нет, но звонила подружкам, те не знают ничего... Хотя в институте она была. А куда делась потом — никто не видел...

Женя, видимо, не решалась ее утешать — то ли мешала разница в возрасте, то ли она успела основательно забыть «тетю Таню». Как-никак, последний раз они виделись

почти год назад. Татьяна и сейчас помнила, как выглядела Женя в тот вечер — вечер выпускного бала. На этой высокой, угловатой девушке было коротенькое платье цвета чайной розы, с низким вырезом на спине. Женя сказала, что платье сшила портниха ее мамы, и пришлось выдерживать целую битву из-за фасона... Татьяна похвалила платье. И в самом деле, на Жене оно смотрелось прекрасно. Она даже пошутила, спросив, не собирается ли девушка после школы стать фотомodelью. Женя, польщенная, рассмеялась. Ее лицо — некрасивое, но очень нежное, будто покрытое персиковым пушком, покраснело. Эта девушка всегда казалась Татьяне несколько нелепой, бесцветной — слишком светлые, жидкие волосы, которые Женя тщетно пыталась уложить в прическу. Слишком светлые, бледно-серые глаза, с короткими прямыми ресницами. Пухлый, бесформенный рот, как будто сложенный в испуганную улыбку. Но при этом Женя обладала своеобразным очарованием — очарованием юности, которое или исчезает бесследно, или постепенно превращается в настоящую красоту. Что было суждено Жене, какой она стала за прошедший год — Татьяна не знала. Девушка перестала у них появляться — дочка просто забыла о ней после выпускного бала.

— Тетя Таня, — нерешительно сказала девушка после паузы. — А вы не пробовали позвонить ее парню?

Последнее слово она выговорила с запинкой, как будто смутилась. Татьяна настороженно спросила:

— Ты знаешь о нем?

— Ну да. Мы встретились месяца два назад, на остановке, и Ира мне рассказала...

— Нет, Леонид ничего не знает о ней, — устало ответила Татьяна.

Она вдруг поняла, что смертельно хочет спать. А поспать не было никакой надежды — нужно готовить завтрак мужу, идти его будить, потом собираться на работу... И выглядеть не хуже обычного — как-никак, ее личные неприятности никого на службе не касаются.

— Леонид? — Женя произнесла это имя отдельно, по слогам. — Нет, она называла его...

И неловкая пауза. Татьяна насторожилась:

— Женя, что ты сказала? Это был другой парень, да?

— Ну... Да...

Татьяна узнавала ее обычную манеру разговора — Женя всегда немного запинаясь, когда речь заходила о щекотливых вещах — о парнях, например. И она прекрасно знала: если девушку напугать, держаться слишком требовательно и строго, Женя вообще ничего не скажет — замкнется, уйдет в себя и замолчит. Дочь как-то призналась ей, что у подружки очень строгие родители. Скорее, даже суровые. Татьяна и сама несколько раз замечала синевато-желтые потеки на лице у Жени и даже спрашивала, откуда эти синяки. Женя смущенно отвечала, что ударилась во время урока физкультуры. О том, что на самом деле ее бил отец, рассказала ей дочь. С тех пор Татьяна очень жалела девушку, всегда, когда Женя приходила к ним, старалась ее подкормить, хотя та была не из нищей семьи, одевалась прилично и у нее всегда были карманные деньги. Однако таков уж был первый импульс — накормить несчастную девочку. Но уж если Женя замыкалась, расшевелить ее не могли никакие пироги и конфеты.

— Женечка, — как можно ласковее и спокойнее произнесла Татьяна, стараясь совладать со своим волнением. — Я об этом парне ничего не знаю. Понимаешь,

СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ

последнее время у нее был какой-то приятель, вроде бы как жених... Его зовут Леонид. А как звали того?

— Я не знаю, — быстро ответила та.

— Но ты же сказала — она тебе называла имя!

Пойманная на лжи, Женя замолчала. Татьяна слушала тишину в трубке и снова ощущала неприятное покалывание в области сердца. Она сама удивлялась, сколько мыслей стремительно несло в ее голове — причем одновременно. Опасение слечь в постель с сердечным приступом. Тревога за то, что не успеет разбудить мужа, а ведь тот уже проспал намного больше положенного, ему пора быть на ногах и пить кофе — вот тут, за этим столом. Мысли о том, что сегодня на работе от нее будет мало проку. Крохотная мыслишка — скорее, сожаление — о том, что она вчера пролила чай на свою светлую юбку. Придется нести в чистку, и когда вернут вещь, неизвестно... И главное — молчание Жени. Почему та упорно молчит? Повесила бы трубку, в конце концов. Всегда можно найти предлог — нет времени, например...

Но Женя вдруг откликнулась:

— Тетя Таня... Я правда не помню, как его звали. Может, Ира и назвала имя, только я не могу припомнить. Точно не Леонид. Я бы запомнила.

— Но что-то же ты запомнила? — возразила Татьяна. — Если не имя, то что-то другое! Кто он такой? Чем занимается? Где они познакомились?

Каждый вопрос отдавался в ней мучительным эхом. Ведь сама она об этом парне не знала ровно ничего... До определенного момента она просто считала дочь сущим ребенком, который вообще не может интересоваться парнями. Леонид был первым — для нее. Видимо, не для Иры.

— Ну... — протянула Женя. — Она сказала, что у нее есть парень, и она... Ну... Вроде любит его.

— И это не Леонид?

— Нет-нет.

— Что еще она рассказывала?

После паузы Женя призналась, что не может сейчас говорить, папа с мамой уже встали, а ей самой пора на работу. Если «тетя Таня» не против, она сейчас положит трубку, а вечером, к концу рабочего дня, позвонит ей из города и расскажет все, что сможет вспомнить.

— Если честно, я сейчас не могу собраться с мыслями, — призналась она. — Ира говорила со мной всего минут десять... Она так торопилась!

— В институт?

— Нет, это было уже после шести вечера. Мы встретились в центре, она ждала троллейбус, ехала куда-то в сторону Тверской...

И, не простившись, никак не предупредив, Женя неожиданно положила трубку. Татьяна несколько секунд послушала гудки, потом сделала то же самое. И отправилась будить мужа.

— Леша, — она потрясла его за плечо, — пора, ты уже проспал.

— Сколько время? — ошеломленно откликнулся Алексей.

— Почти полвосьмого.

Тот полежал, обдумывая услышанное, потом резко сел и уставился на жену:

— Сколько?!

— Да вставай же, завтрак готов! Сколько можно валяться?!

Она покривила душой, предпочитая сделать вид, что это муж виноват в том, что проспал. Татьяна знала — за те несколько минут, пока муж умоется и побреется, она успеет сделать яичницу. Ничего другого Алексей не признавал, хотя у него и были проблемы с желчным пузырем.

— Я опоздал! — крикнул он и понесся в ванную комнату.

Татьяна на минуту присела на край постели. Ей совершенно некстати вспомнились первые годы их супружеской жизни. Комната в коммуналке, посеревшие от времени обои, щелистый паркет. Алексей, каким он был тогда, — стройный, загорелый, еще не бросивший свои летние походы на байдарках. Совсем не тот человек, который сейчас думал только о работе, деньгах, о том, с каким счетом «Реал» (Мадрид) выиграл у «Манчестер Юнайтед»... И все-таки — тот самый мужчина. Который, несмотря на прожитые вместе двадцать лет, пока еще любил ее. И был рядом. И если даже не все понимал, то оставался единственным, на кого она могла положиться... Ее мужем. Отцом ее дочери. Тем самым парнем, в которого она когда-то влюбилась... И сейчас ей почему-то было его очень жаль.

Татьяна вскочила и побежала на кухню готовить яичницу.

За завтраком они наскоро обсудили создавшееся положение. Муж высказывался, как всегда, неопределенно. Конечно, его тоже тревожило столь долгое отсутствие и молчание дочери. Но он советовал подождать еще немного. Например, до вечера. И потом уж начать действовать.

— Как ты собираешься действовать? — спросила она, наливая ему вторую чашку кофе и бросая туда три лож-

ки сахара — несмотря на все ее просьбы, Алексей по-прежнему употреблял сахар вместо заменителя.

Тот схватил чашку и обжигаясь, заявил, что нужно будет обзвонить всех ее друзей.

— Уже почти всех обзвонила, — ответила Татьяна, наблюдая за попытками мужа сделать глоток.

— Ну, тогда... — Он поставил чашку и бросился в прихожую: — Все, бегу, иначе...

Что будет иначе — она прекрасно знала и без него. Иначе — штраф за опоздание. Иначе — унижительный, хотя к серьезным последствиям не ведущий, выговор от начальства. Иначе — депрессия. Она давно уже уяснила, что работа, которую муж нашел год назад, — весьма высокооплачиваемая и очень изматывающая — поработила его целиком. Алексей все меньше интересовался домашними делами. Они оставались на ее шее, хотя Татьяна и сама работала, просчетов и прогулов ей тоже никто не прощал. Но ее скромная зарплата редактора почти незаметно растворялась в общем бюджете. Она никогда не могла чувствовать себя наравне с мужем. И потому добровольно взяла на себя все домашние обязанности и заботы о дочери. В результате... Татьяна поняла, что Алексей давно воспринимал подростковую дочку, как необходимую и любимую деталь интерьера — кресло, например, или телевизор. Когда он в последний раз говорил с ней о чем-то, кроме телепрограммы? Когда Ира исчезла — он, конечно, искренне обеспокоился. Но сходить с ума и бить во все колокола у него сил и времени не оставалось. «И это опять целиком моя обязанность, — подумала женщина, помогая мужу найти зонтик — на улице было пасмурно. — Что ж, это справедливо. Он обеспечивает